

11. Фуко, М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1982-1983 уч. году /Мишель Фуко – СПб.: Наука, 2011.

12. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары. Протоколы. Беседы. Письма. Издано Медардом Боссом /Мартин Хайдеггер. – Вильнюс: ЕГУ, 2012.

13. Searle, J.R. The Campus War: A Sympathetic Look At The University In Agony / John R. Searle. – New York : World Pub. Co., 1971.

УТОПИЯ КАК ТЕОРИЯ БЛАГА: АГАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО УТОПИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т.А. Бондарь, г. Полтава, Украина

Переходные периоды в жизни общества неизбежно активизируют всплески утопизма во всех сферах, особенно социальной – в условиях острого политического и экономического кризиса и борьбы разновекторных идеалов риск утопизации общественного сознания чрезвычайно возрастает. Однако по сравнению с известными истории всплесками утопизма в прошлом, нынешняя ситуация особенная. Современная утопия не просто возрождается – после краха порожденных ею тоталитарных систем и значительного упадка в середине прошлого века она активно трансформируется, приобретая новые формы и невероятно быстро видоизменяясь и реанимируясь.

Сегодня исследователи констатируют одновременное существование двух типов утопии – неклассической и постнеклассической [см.: 2, 3, 7, 8, 10]. Характерными чертами *неклассических утопий* выступает индивидуализация, кардинальное изменение направленности утопических поисков с коллектива на отдельного индивида, ориентирование не на «общее благо», а на благо отдельной личности (преодоление отчуждения человека в обществе, гуманизация управления, равноправие полов, экология, налаживание коммуникации между представителями различных религий и культур и т.п.). *Постнеклассические утопии* более ориентированы на отражение реалий современного постиндустриального общества и его ценностей: диалог, индивидуализм, открытость и незавершенность утопического образа, изменение не внешнего мира и окружающей человека действительности, а самого индивида и достижение его личных благ (здоровья, продолжительности жизни, духовности, комфорта). Таким образом новейшие утопии, все больше отходя от категоричности, ориентируясь на индивидуализм, открытость и диалог, все чаще позиционируют себя как средство поиска новых общественных и индивидуальных ценностей, новый горизонт мировоззренческих исканий. Однако какие ценности может предложить утопия и какие новые основы существования и смыслы она способна найти?

Для ответа на подобные вопросы необходимы специальные исследования и более глубокий анализ утопии не только в традиционных плоскостях – социальной, политической и литературоведческой, но и рассмотрение ее в аксиологическом аспекте как особого ценностного типа сознания, специфического способа восприятия действительности, миропонимания. Не только как системы, которая испытывает влияние объективных изменений и организуется в упорядоченное целое общими образцами норм и ценностей (эволюция социальных утопий, их зависимость от эволюции типов рациональности и доминирующей в обществе системы ценностей), но и как системы, которая определенным образом конструируется субъектом (утопия как теория, которая строится утопистом на основе его собственного представления о благе).

Исследование аксиологического аспекта утопии, перенесение внимания с объекта (определенной утопической доктрины) на субъект (ее создателя, носителя утопического сознания) требует расширения терминологической базы утопиологии (которая сегодня преимущественно ограничивается понятием идеала) и актуализирует введение категории «благо», которая, по нашему мнению, является наиболее подходящей для исследования разных типов утопий и дает возможность глубже понять истоки утопического мышления, провести комплексный анализ двух чрезвычайно актуальных и безусловно связанных дискурсов – утопиологического и агатологического – которые все это время развивались словно параллельно, постоянно пересекаясь поисками и проблематикой, но не получали должного комплексного осмысления [1]. Ведь, не смотря на большое количество глубоких и разносторонних исследований по утопиологии, комплексный анализ проблем соотношения и взаимодействия утопии и блага не проводился. Присутствуя в снятом виде в каждом утопическом произведении, конструкция блага не являлась предметом специального исследования утопиологов. Такие вопросы как «концепция блага, которую предлагает та или иная утопия», «иерархия ценностей, которую утопия формирует» (а также: порождаются ли определенной утопической доктриной конфликты ценностей; как соотносятся рациональные и иррациональные моменты в отношении предлагаемых определенной утопией ценностных ориентаций и их общественных последствий и т.д.) – если и становились предметом рассмотрения исследователей, то фрагментарно, без должной системности и комплексного анализа.

В агатологическом же дискурсе (и аксиологическом) проблема блага и ценностей хоть и является всесторонне и основательно рассмотренной, однако почти не имела выхода на проблематику утопий и специфику функционирования утопических проектов как определенных концепций

блага (или наоборот – восприятия существующих теорий блага как утопических конструкций).

Актуальность применения утопиологией категории «благо» как важного методологического инструмента позволяет провести целостный анализ той или иной утопии (и индивидуального, и общественного ее измерений), а также дает возможность проследить, каким образом меняется представление о благе и способах его достижения в процессе эволюции утопического сознания.

Так, утопический проект, если его рассматривать как определенную «теорию блага», одновременно сочетает в себе *всеобъемлющую доктрину*, основным заданием которой является поиск и создание утопистом собственной теории блага, которая охватывает все известные ценности и добродетели в рамках четко сформулированной системы; и *политическую концепцию*, целью которой является построение определенной системы властных отношений в обществе, сочетание различных представлений о благе и распределение материальных и духовных благ между гражданами (см. разработанный Дж.Ролзом принцип разграничения теорий блага на политические концепции и всеобъемлющие доктрины [5; 6]).

В одном утопическом проекте утопист, таким образом, пытается совместить две диаметрально разные задачи: а) поиск и создание собственной (*всеобъемлющей*) теории блага человеческой жизни, которая предлагала бы свой четкий ответ на вопрос «что такое благо жизни и как его можно достичь?», и могла бы претендовать на истинность, включая все известные ценности и добродетели в рамках четко сформулированной системы; б) построение полноценной *политической концепции* жизни всего общества, которая должна учитывать и сочетать в себе разные представления о Высшем благе и распределении материальных и духовных благ между гражданами. Сложность такого сочетания состоит в том, что свою теорию построения совершенного общества утопист воспринимает не просто как продуктивную и полезную на данном этапе развития человечества, а как Высшее благо для всего человечества, откровение, истину. Статус высшей ценности, абсолютного блага, который приобретает в глазах утописта его концепция идеального общества, приводит к изменению в его мировоззрении, формирует особую систему ценностей, проектируемых им на все сконструированное им общество, исключая существование в нем альтернативных теорий блага, которые противоречили бы его собственной. Таким образом, утопист переносит собственную теорию блага в пределы политической концепции, смещая тем самым грань, отделяющую сферу жизни частного от жизни общественной, навязывая свое представление о благе, свою этосную [4] ценность, в качестве обязательного стандарта, нормы для всех.

Литература:

1. Бондар, Т. О. «Благо» як категорія утопічної свідомості: соціально-філософський аспект / Т.О. Бондар // Філософські обрії. – 2008. – №19.
2. Кярова, М. А. Утопия: социальное содержание и функции : дис. ... канд. филос. наук / М.А. Кярова – Нальчик, 2005.
3. Морщихина, Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований : дис. ... канд. филос. наук / Л. А. Морщихина. – Архангельск, 2004.
4. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н.С. Розов. – Новосибирск, 1998.
5. Ролз, Дж. Идея блага и приоритет права / Дж. Ролз // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. – М. : Дом интеллект. кн.; Прогресс-Традиция, 1998.
6. Ролз, Дж. Теорія справедливості / Дж. Ролз [пер. з англ. О. Мокровольский]. – К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2001.
7. Стяжкина, Т. С. Динамика утопического сознания: от мифа древних цивилизаций к постнеклассической утопии : автореф. дис...канд. филос. наук / Т.С. Стяжкина. – М., 2007.
8. Фролова, И. В. Утопия: сущность и развитие: Опыт социально-философской концептуализации : дис. ... доктора филос. наук / И.В. Фролова. – Уфа, 2005.
9. Шохин, В. К. Агатология / В.К. Шохин // Философия : энцикл. словарь / [ред. Ивин А.А.]. – М. : Гардарики, 2004.
10. Юдин, Б. Г. Человек утопический / Б.Г. Юдин // Филос. век : альманах. – Вып. 13 : Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. – СПб. : СПб. Центр истории идей, 2000.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ РОМАНА ИНГАРДЕНА

Л.И. Борсук, г. Брест, Беларусь

Отношение к ценности как к самостоятельной философской категории начинается в середине XIX в. с трудов Г. Лотце. До этого ни категория ценности, ни ценностный мир, ни ценностные суждения не являлись предметом специализированной философской рефлексии. Любая проблема начинает привлекать исследователей, как правило, в условиях ломки традиционных стандартов мышления. История аксиологии как самостоятельной области философии, где категория ценностей является основной, начинается в период кризиса классической традиции. Возникновение аксиологии оказалось сферой противостояния, диалога, трансформации ценностей классической и неклассической эпохи, что было продолжено во второй половине XX века уже в условиях постнеклассики.

Переход к неклассической традиции в философии был связан с критическими оценками духовных ориентиров, развивающихся от Сократа